

Горький и Чехов

«...О Чехове можно писать с громом, треском, с визгом от злобы и наслаждения. Мы и будем писать. Теперь это моя сладкая мечта», — говорил А. М. Горький в письме к ялтинскому своему знакомцу В. Средину. Письмо датировано 1902 г., — Алексей Максимович к этому времени уже был знаком с Чеховым, и то чувство восхищения перед ним, как художником, о котором неустанно твердил Горький, выросло после каждого нового рассказа Чехова. Так, по поводу повести «В овраге» Горький писал в «Нижегородском листке»:

«Чехова упрекали в отсутствии миросозерцания. Нелепый упрек! У Чехова есть нечто большее, чем миросозерцание — он овладел своим представлением о жизни».

И вопреки всем «традиционным» оценкам критики, настаивающей на чеховском пессимизме, Горький доказывал, что «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

Любовь к жизни почувствовал Горький в Чехове, ноту бодрости услышал там, где либеральные критики улавливали тона тоскливой безнадежности. Вот потому-то и говорил в той же своей статье о чеховском «В овраге» Алексей Максимович, что когда «умрет Чехов, умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям».

Эти чуткие суждения Горького очень помогают восстановить правдивую картину отношений Горького и Чехова. Мы видим, что эти отношения гораздо сложнее, чем до сих пор было принято думать. Только теперь — с выходом второго тома материалов и исследований о М. Горьком, изданного Академией наук СССР, — мы до конца уясняем точку зрения не только Чехова на Горького, что было нам известно по чеховским письмам к Горькому, но и наоборот — точку зрения Горького на Чехова.

Чехов был одним из тех внимательных читателей Горького, которые сразу почувствовали и необычность и необычайность дарования автора «боящихся рассказов». Так, в письмах Чехова, — и к самому Алексею Максимовичу и к другим близким своим литературным корреспондентам, — Чехов говорил о Горьком: «Талант несомненный и притом настоящий, большой талант, Горький — «художник», Горький — «пластичен». Когда он изображает вещь, то «он ее видит и ощупывает руками». Это — «настоящее искусство». Горький — «сделан из того теста, из которого делаются художники». Из Горького — «выйдет большущий писатель».

Чехову принадлежит историческая заслуга — приобщения Горького к театру. Чехов познакомил Горького с руководителями Художественного театра и настоял на том, чтобы Алексей Максимович написал для МХАТ пьесу. Он с необыкновенным вниманием отнесся к драматургическим дебютам Горького. В целом ряде писем Чехова к Алексею Максимовичу мы находим любопытные суждения о «Мещанах» и «На дне».

Чехов предъявляет Горькому те требования, которые он считал обязательными для своей драматургической поэтики. Его же понимание природы театра было вовсе несхожим со взглядами Горького.

А. П. Чехов и А. М. Горький в Крыму. 1902 г.

Горький, восторженно отнесшийся к чеховским пьесам («Дядя Ваня» и «Чайка»), читал в драматургии Чехова то, что расслышал он в его беллетристике — ноту бодрости там, где звучала печальная свирель, призыв к социальному оптимизму там, где грезил об умной, изящной, сладкой, как ласка, жизни через «двести—триста лет». Так, побывав в Нижнем-Новгороде на спектакле «Дяди Вани», игравшемся в местном городском театре, Горький в большом письме к Чехову (вторая половина ноября 1898 года) признавался, что он «смотрел и — плакал, как баба». «Дядя Ваня», — говорит Горький, — это страшная вещь — «Дядя Ваня», — это совершенно новый вид драматического искусства, это молот, которым вы бьете по пустым башкам публики. В последнем акте, когда доктор после долгой паузы говорит о жаре в Африке, я задрожал от восхищения перед вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную нищенскую жизнь. Как вы здорово ударили тут по душе и как метко».

И в этом письме Горький неожиданно заключает, что Чехов «холоднее чорта к людям». «Вы равнодушны к ним, как снег, как выюга». Горький угадывает в этом, как будто бы парадоксальном суждении, одно из свойств писательского облика Чехова. Но, восхищаясь чеховским искусством, обнаруживая в чеховской пьесе тенденцию «бить по пустым башкам публики», тенденцию, которой в самом деле у Чехова нет, — Горький не скрывает, что сам-то дядя Ваня — герой чеховской пьесы, совсем не образец для подражания. Совсем даже наоборот! — «Образец для подражания» это Сирано де-Бержерак — герой ростановской мелодрамы. И замечательно, что Горький говорит о нем, побывав на спектакле «Дяди Вани», который он смотрит уже в Художественном театре. Он восхищен и искусством автора и мастерством театра, но в письме к Чехову по этому поводу неожиданно спрашивает: «А что, видели вы Сирано де-Бержерака на сцене? Я недавно видел и пришел в восторг от пьесы».

Дорогу свободным гасконцам,
Мы южного неба сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Мне страшно нравится это «солнце в крови». Вот как надо жить — как Сирано. И не надо — как «Дядя Ваня» и все другие, иже с ним».

Но ведь «солнце в крови» и не было у Чехова. Это «солнце» горело в Горьком.

Теперь вспомним оценки, сделанные Чеховым после прочтения первых актов «Мещан». «Пьеса, — утверждает Чехов, — хорошо написана — по-горьковски, она — оригинальна, очень интересна». Но в ней основной недостаток: Горький новых оригинальных людей заставляет петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид. У Горького действующие лица читают нравоучения. Этот недостаток неисправимый, как рыжие волосы у рыжего. Этот недостаток — консерватизм формы».

Чехов не принимает в «Мещанах» основное, что так неожиданно прозвучало со сцены — публицистичность пьесы, политическую ее тенденцию. Естественно поэтому, что Чехов советует Горькому в структуру «Мещан» внести ряд поправок. Так он советует Горькому, дабы придать Татьяне «законченное лицо», показать ее учительницей «на самом деле». Надо, чтобы она приходила бы из школы, возилась бы с учебниками да тетрадками, учила бы детей. Елену надо посадить за обед в первом акте. Ее объяснение с Петром резковато, Тетерев говорит слишком много, а его нужно показать кусочками. Такие люди, как Тетерев, уверяет Чехов, эпизодические люди везде: и в жизни и на сцене. Нил, когда говорит про себя, что он молодец, то теряет «элемент скромности, присущий нашему рабочему». Вряд ли, однако, знал сам Чехов, что присуще «нашему рабочему», ибо Чехов «рабочего вопроса», как выражались в те годы, не изучал и ни в одном из своих произведений его не отразил, если не считать нескольких строк в рассказе «Случай из практики», в котором так полно сказалась «аполитичность» чеховских суждений о пролетариате и о характере классовой борьбы.

Оценка «Мещан», сделанная Чеховым, как раз и вскрывает всю разность мироощущений обоих писателей. Ведь для Горького Нил и Тетерев — центральные фигуры пьесы. Сделать из Тетерева эпизодическое лицо, значило бы снизить ту звенящую публицистическую ноту, без которой нет смысла в пьесе. Для Чехова «Мещане» — жанровая пьеса, изображающая кусочек мещанского быта. Но смысл пьесы не в жанре, а в ее разящей публицистической силе, в ее контрастах между затхлостью бессемеровской жизни и зацветающей новью того будущего, глашатаем которого является Тетерев.

Познакомившись с «На дне», Чехов утверждал, что после этой пьесы Горький навсегда будет причислен к пессимистам. Чехов не услышал в «На дне» ни одной ноты оптимизма. А по поводу самой фактуры пьесы говорил, что Горький увел в четвертом акте самых интересных людей. Вообще этот акт может показаться «скучным и ненужным». Но Горький спорит

Центральный театр Красной армии. «Мещане»
А. М. Горького. П. И. Герага — Тетерев и Д. В. Зеркалова — Елена.

А. П. Чехов, А. М. Горький и Л. Н. Толстой в Гаспре.
С фотографии начала 900-х годов.

с Чеховым: «за четвертый акт не боюсь». Не боится он и быть причисленным к пессимистам. «И вообще ничего не боюсь», — отвечает он Чехову.

Если по поводу «Мещан» Горький и соглашался еще с некоторыми поправками Чехова, отвечая ему, что он и сам видит, что Нил занимает слишком много места и прочее, то уже по поводу «На дне» Горький решительно отвергает чеховскую точку зрения.

Спор Чехова с Горьким — спор, раскрывающий всю контрастность творческих позиций и общественных тенденций обоих художников. Восхищаясь Чеховым, Горький не идет по его пути. У него свой путь.

Хорошо выражает все существо Горького той эпохи суждение одного из его современников, вспоминавшего, что Горький в эти годы, — а это были годы работы над «Мещанами» и «На дне», — «как-то выпрямился во весь рост, натянулся, как струна. Высокий, плечистый, мужественный — он имел бравый и зоркий вид рулевого, вышедшего со своим кораблем из тумана, уверенно держащего курс».

Этот курс не совпадал ни с курсом Чехова, ни с курсом Художественного театра, который в ту пору, конечно, был только театром чеховского мироощущения. Очень верно говорил в своей статье, тотчас же после смерти Горького, Вл. И. Немирович-Данченко, что Художественный театр стал «театром горьковского мироощущения». И теперь, когда перед нами так много материалов, проливающих совсем новый свет и на Горького и на Чехова, хочется почему-то думать, что пришла пора играть и Чехова в Художественном театре в приемах театра «горьковского мироощущения». И тогда, кто знает: — и «Дядя Ваня», и «Чайка», и «Три сестры» прозвучали бы в той тональности, которую расслышал в них Горький и которая тридцать лет тому назад не была угадана ни критикой Чехова, ни театром Чехова, ни самим Чеховым.